

УДК 81

ПЛЕОНАЗМ И ТАВТОЛОГИЯ КАК РАЗНЫЕ ФОРМЫ ИЗБЫТОЧНОСТИ ТЕКСТА

Н.Г. Брагина, И.А. Шаронов

В настоящей статье обсуждаются термины *плеоназм* и *тавтология*, с помощью которых может описываться как «рутинное», так и «креативное» общение (Карасик, 2010). В статье анализируется материал «рутинного» общения. Предложены уточнения понятий плеоназма и тавтологии, выявлена промежуточная зона плеонастической тавтологии, описаны способы редактирования двух типов избыточности в предложении. Отдельным вопросом рассматривается особый случай традиционно относимых к грамматическим плеоназмам сочетаний *более лучший, более худший, самый лучший, самый худший*. Считается, что прилагательные *лучший* и *худший* имеют значение превосходной степени. Исследование, однако, показало, что эти слова могут выражать как превосходную, так и сравнительную степень, и это зависит от собственно конструкции предложения. Использование слов *лучший* и *худший* в сочетании с *более* и *самый* можно оценивать как уточнение конкретного значения, преодолевающего негативный эффект от грамматической избыточности. Это объясняет распространенность в узусе сочетаний *более лучший, более худший, самый лучший, самый худший*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: критерий краткости текста, плеоназм, тавтология, степени сравнения прилагательных

БРАГИНА Наталья Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры русского языка Российского государственного гуманитарного университета. igor_sharonov@mail.ru

ШАРОНОВ Игорь Алексеевич – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Российского государственного гуманитарного университета. igor_sharonov@mail.ru

Цитирование: Брагина Н.Г., Шаронов И.А. Плеоназм и тавтология как разные формы избыточности текста [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2023, № 2. – С. 112–125. Режим доступа: www.tverlingua.ru

PLEONASM AND TAUTOLOGY AS DIFFERENT EXCESS FORMS IN TEXT

Natalja G. Bragina, Igor A. Sharonov

The article deals with the concepts of pleonasm and tautology. We try to clarify the borderline between the concepts, to reveal the intermediate zone of pleonastic tautology and indicate the way to edit these two types of redundancy in a sentence. The special issue concerns grammatical pleonasm, associated with acceptability of the word-combinations *bolee luchshiy*, *bolee hudshiy*, *samy luchiy*, *samy hudshiy*, used in discourse. It is thought, that the words *luchshiy* and *hudshiy* express superlative degree of adjectives. But in fact, the words may express both superlative and comparative in the special constructions. We offer an interpretation of *bolee luchshiy*, *bolee udshiy*, *samy luchiy*, *samy hudshiy* usages in discourse as the way to disambiguate the meaning of the sentences these word-combinations are used in.

KEY WORDS: text conciseness criterion, pleonasm, tautology, degrees of comparison of adjectives

BRAGINA Natalja G. – DSc in Philology, Professor of Pushkin State Russian Language Institute, professor of Russian State University for Humanities. igor_sharonov@mail.ru

SHARONOV Igor A. – DSc in Philology, the head of the Russian Language Department of Russian State University for Humanities. igor_sharonov@mail.ru

Citation: Bragina N.G., Sharonov I.A. Pleonasm and tautology as different excess forms in text [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2023, № 2. – P. 112–125. Access mode: www.tverlingua.ru

В риторике одним из основных достоинств речи называют краткость, то есть передачу мысли максимально емко и без повторов. Плеоназм как проявление избыточности текста противоречит критерию краткости, экономии языковых средств и требованию последовательного добавления новой информации к той, что уже усвоена аудиторией. Все помнят классическую фразу А.П. Чехова, о том, что краткость – сестра таланта. Разумеется, речь идет о письменных текстах, в которых не требуется повторение сказанного при условии, что автор текста не ставит перед собой каких-либо специальных стилистически оправданных задач. При необходимости читатель всегда может вернуться к прочитанному. В устной речи отношение к повторам более терпимое, как и ко многим другим речевым «неаккуратностям». Это связано с тем, что говорящий одновременно думает и словесно оформляет свою мысль. Повторно выражая тот же смысл, он также может стремиться усилить воздействие на адресата, подчеркнуть важность сказанного и т. п.. Кроме того, слушатель также может нуждаться в повторе, т. к. не сразу улавливает, что именно хотел сказать говорящий,

По данным исследования Е.В. Грудевой (Грудева, 2007) разговорный текст характеризуется высокой степенью избыточности. В частности, автор отмечает, что в устном разговорном тексте одно и то же слово может повторяться достаточно часто.

Мы рассмотрим смысловую и формальную избыточность в письменных текстах на уровне словосочетания и предложения. Материалом для анализа послужила коллекция собранных ошибочных примеров, которые извлекались из текстов современных масс-медиа и из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Ошибочно избыточными и подлежащими редакторской правке являются случаи, определяемые терминами «плеоназм» и «тавтология». Эти термины очень часто используются как смежные и синонимичные, причем

термин «тавтология» в обычной речи более распространен, в результате чего он может неправомерно захватывать практически всю область избыточности.

Плеоназмом принято называть употребление в словосочетаниях и / или предложениях слов, близких по смыслу, а тавтологией – семантически и стилистически неоправданный повтор в предложении одного и того же слова и / или однокоренных слов. Толкования, на первый взгляд, позволяют говорить о частичном или полном пересечении этих понятий. В этом кроется причина того, что единства в трактовке языкового материала при помощи этих терминов не наблюдается. В статье (Сирота, Парахонько, 2021) была сделана попытка развести данные термины на основе анализа их толкований в лингвистических работах. По мнению исследователей, основное противоречие лежит в интерпретации используемых в предложении однокоренных слов. Для ряда исследователей это – область плеоназма, для других – область тавтологии. Принятым способом разведения понятий, указывают авторы, является акцент на художественном использовании избыточности, при котором оппозиция терминов переходит на оценочный уровень. В приводимых авторами толкованиях плеоназм рассматривается как «оправданная», а тавтология – неоправданная избыточность (см., напр., Ахманова, 1966). При этом основная часть статьи Е.В. Сироты и Л.В. Парахонько посвящена анализу случаев оправданной избыточности в художественных текстах, которая определяется ими то как плеоназм, то как тавтология, что возвращает нас к пониманию зыбкости границ между этими двумя терминами.

Но начнем мы с утверждения принципиального различия между плеоназмом и тавтологией. Слово как семиотический знак – это двусторонняя единица, состоящая из означающего и означаемого, формы и значения. Плеоназм, который возникает как стилистически неоправданное соединение близких по смыслу слов: *в марте месяце, пять человек рабочих*, – акцентирует внимание на дублировании смысла. Тавтология – на единстве формы (корня слова и всего слова): *рассказывать рассказ, масло масляное*. В

тексте же слово выступает в двуединстве формы и значения, формируя в виде синтеза «переходную» область. Однокоренные слова, используемые в тексте синонимично, являются и областью плеоназма (по единству значения), и областью тавтологии (по единству формы). Однако понятно, что не все однокоренные слова выступают в тексте как синонимы. Поэтому мы должны ввести в терминологию дополнительную детализацию и говорить о плеонастической и неплеонастической тавтологии.

Рассмотрим сначала «классические» плеоназмы. Известно, что ненамеренные плеонастические сочетания плохи тем, что дают эффект «топания на месте», вторично передавая уже переданную ранее информацию. В пособии Б.С. Мучника (Мучник, 1996) дается классификация степени синонимичности плеоназмов, позволяющая понять, какой из компонентов плеонастического сочетания имеет смысл устранить для очищения текста.

Сохранять нужно компонент с более широкой семантикой. Так, в примере (1) для ухода от плеонастичности в сочетании *те или иные конкретные диминутивы* требуется устранить компонент *конкретные* как передающий меньшее содержание.

(1) *Это позволит приблизиться к пониманию факторов, по **которым те или иные конкретные** экспрессивные диминутивы на каком-то этапе стали пользоваться повышенной востребованностью.*

В случаях полной синонимии в плеонастическом сочетании выбор может быть обусловлен стилистическими соображениями. Так, в примере рекламного текста (2) повтор в одном контексте *недорого* и *низкие цены* рождает эффект «замусоривания» восприятия. Сохранение слова *недорого* переведет рекламу в разговорный стиль, а сохранение синонимичного словосочетания *низкие цены* сделает рекламу более строгой, формальной. Выбор за рекламодателем.

(2) *Крайслер 300С на свадьбу. Белый, черный, золотой. Недорого. Большой выбор, низкие цены.*

Соединения иноязычного и русского слова, дублирующего его значение, также плеонастичны. Такие сочетания обычно свидетельствует о том, что говорящий не понимает точного смысла заимствованного слова: *впервые дебютировал, свободная вакансия.*

(3) *Ольга Васильева родилась 13 января 1960 года. Очень рано окончила школу – в 14 лет. То есть, была юным вундеркиндом.*

Разумное объяснение популярности подобных плеонастических сочетаний состоит в опасении автора не быть понятым ввиду возможной затрудненности понимания заимствования читателями. В результате к чужому слову добавляется русский «костыль», подсказка, обычно вызывающая раздражение эрудированных читателей и редакторов. Случается также, что автор сам, вероятно, не до конца понимает значение используемых им заимствованных слов:

(4) *Существуют различные **проявления реализации** в тексте конвенционального речевого поведения.*

(5) *В начале года казалось, что он ни при каких обстоятельствах не сможет пойти на второй срок без фальсификаций и применения админресурса, но к настоящему моменту ситуация **сильно** изменилась **кардинально**.*

Плеонастические словосочетания такого типа могут становиться идиоматичными и, как следствие, нормативными, например, *сувенир на память, экспонаты выставки, хронометраж времени.* Однако это – нерегулярное явление.

Плеонастические сочетания могут своей (возможно, намеренной?) абсурдностью отвлекать читателя от текста. Ср. примеры из текстов современных масс-медиа:

(6) *Лифт раздавил женщину заживо.*

Что касается плеонастических тавтологизмов, то это – такие же стилистически маркированные ошибочные употребления, как и «классические» плеоназмы. При редактировании текста, содержащего

плеонастическую тавтологию, также требуется устранения слова, повторяющего уже сообщенный фрагмент информации. В примере (7) компоненты *вторичных* и *повторно* можно отнести к плеонастической тавтологии, поскольку здесь имеет место как повторение смысла – плеоназм, так и частичное воспроизводство общей формы (данные слова являются однокоренными) – тавтология. Исправлением предложения будет удаление любого из компонентов без потери общего смысла. Оба варианта исправленного предложения являются равнозначными как семантически, так и стилистически.

(7) *Целью данной работы является составление списка **вторичных** заимствований , которые **повторно** вошли в русский язык в последние 20-30 лет.*

Чаще всего такого рода ошибки возникают вследствие неотредактированности текста, несут следы поиска автором языковых средств в процессе порождения высказывания. Разумеется, при прочтении текста такие досадные оплошности обычно до публикации текста легко устраняются самим автором или редактором.

(8) *Он пояснил, что сейчас, согласно закону, на базе МГУ создаются свои университетские диссертационные советы. **В связи с этим связана** ликвидация диссоветов на базе Высшей аттестационной комиссии (ВАК).*

Плеонастическое сочетание *В связи с этим связана* – встречается в устной речи достаточно регулярно ввиду формальной и семантической близости выражений: *в связи с этим* и *с этим связан*. Письменный текст требует от автора большей внимательности.

От плеонастических тавтологий неплеонастическая тавтология отличается принципиально, поскольку однокоренные слова в этом случае выражают разные смыслы и каждое из них несет необходимую для общего смысла предложения информацию. Проблема таких тавтологий в том, что здесь срабатывают особые механизмы восприятия текста. Последовательное

восприятие слов с их центральным смысловым компонентом – корнем (в определенном его значении) позволяет читателю или слушателю одновременно настраиваться на понимание всего предложения. Повторение корня в новом слове, имеющем другое значение, приводит к столкновению смыслов, поскольку смысловое «место», передаваемое этим корнем уже занято. Слушатель и читатель испытывает затруднение в восприятии предложения.

(9) *На примере русского языка последних десятилетий можно найти множество таких **примеров** неологизмов, появление которых связано с интернет-технологиями.*

(10) *Берем плотный целлофановый пакет или соответствующий контейнер, чтоб его **полностью заполнить**.*

Оптимальным способом устранения данной проблемы является не удаление слова, а замена его неоднокоренным синонимом. Сравним для иллюстрации два искусственных примера, намеренно концентрирующих однокоренные слова и их аналоги, построенные без однокоренных слов.

(11) *Долгое обсуждение иного суждения может вызвать чье-либо осуждение при предубеждении против досужих рассуждений.*

Долгое обсуждение той или иной мысли может вызвать недовольство при чьей-либо нелюбви к досужим разговорам.

(12) *Симпатии и антипатии не бывает без эмпатии. Отсутствие эмпатии рождает апатию.*

Симпатии и антипатии не бывает без сочувствия. Отсутствие данного качества рождает депрессию.

Как можно заметить, вторые предложения воспринимаются с первого прочтения гораздо легче, чем первые.

Мы не рассматриваем в статье случаи уместного использования плеоназмов и тавтологий, которым посвящено достаточно много работ, связанных с анализом их употребления в качестве стилистических и риторических фигур в паремиях, в фольклорных и художественных текстах,

в речи ораторов и т.д. В нашу задачу входило выявление причин необходимости сохранения обоих терминов. Два понятия, на первый взгляд, смежные и почти взаимозаменяемые, имеют принципиально разную природу, и при стилистической правке приемы исправления их в тексте будут различаться.

Остановимся на одном спорном случае грамматического плеоназма. Этот вид плеоназма определяется как повторение синонимичных граммем в предложении или в слове при согласовании (ср. *мои добрые друзья*), дублировании значений глагольных приставок и предлогов (*выйти из комнаты*), при двойном отрицании (*никого нет*) и т. д. (Ахманова 1966, ЛЭС 1990). Такие плеоназмы входят в языковую систему и оцениваются как нормативные. К исключениям относятся случаи дублирования значения сравнительной и превосходной степени прилагательных, когда аналитические элементы соединяют с синтетическими формами степеней сравнения: *более интереснее, самый интереснейший*. Д.Э. Розенталь в «Практической стилистике русского языка» пишет, что такие сочетания являются плеонастическими и потому не соответствуют нормам литературного языка (Розенталь, 1987: 144).

Приведенные выше и подобные им примеры не вызывают сомнений, кроме случаев, связанных со словами *лучший* и *худший*. В Большом толковом словаре под редакцией Кузнецова словарная статья «Плеоназм» иллюстрируется словосочетанием *самый лучший*, что, на наш взгляд, не случайно. Использование сочетаний *более лучший, более худший, самый лучший, самый худший* частотны и в устной речи, и в письменных текстах. Причем они встречаются отнюдь не только в речи людей, слабо владеющих нормами русской грамматики, следовательно данный вопрос требует отдельного рассмотрения.

Общераспространенное мнение, что слова *лучший* и *худший* выражают исключительно превосходную степень, достаточно спорно. Лингвисты оценивают их по-разному. Например, А.В. Исаченко считает, что слова

лучший, худший является свободными и фразеологически несвязанными в значениях превосходной степени (Исаченко, 1965: 209). Ю.П. Князев называет их *синтетическими склоняемыми формами степеней сравнения*. (Князев, 2007, 200). В толковом словаре (Ожегов, Шведова, 1999) отмечается, что данные слова выражают превосходную степень, а в словаре (Ушаков, 2002) указывается как превосходная степень, так и сравнительная.

Н.А. Еськова пишет о различиях между двумя степенями сравнения. Сравнительная степень, как правило, имеет валентность на два сравниваемых объекта. При этом один сравниваемый объект обладает определенным качеством в большей степени, чем другой. Превосходная степень же подразумевает большее количество объектов, подвергающихся сравнению. (Еськова, 2011: 19). Формы сравнительной и превосходной степени прилагательного регулярно используются в особых синтаксических построениях. Сравнительная степень (компаратив) требует после себя родительного падежа имени существительного (*выше Олимпа*) или выступает в сочетании с союзами *чем, нежели* и *чем..., тем...* Превосходная степень используется в конструкциях с предлогом *из*, который управляет родительным падежом существительного (*высочайшая из вершин*).

По данным НКРЯ за 2020 год слово *лучший* использовалось в сочетании с предлогом *из*, то есть в значении превосходной степени 1907 раз, слово *худший* в этой конструкции использовалось 187 раз. Приведем примеры таких употреблений:

(13) *И никто на Божьем свете не сможет мне объяснить, почему лучший из всех людей служил столько лет самому последнему злу, которое только существует на свете.* (Л. Улицкая «Казус Кукоцкого»).

(14) *Тогда со мной стряся худший из раскладов, определяемых маячащей изменой.* (А. Иличевский «Ай-Петри»).

В значении сравнительной степени, а именно в контекстах с союзами *чем* и *нежели* слово *лучший* использовалось соответственно 735 и

100 раз. Слово *худший* – 245 и 28 раз. Приведем примеры употребления:

(15) *Кроме того, при ведении такого лесного хозяйства мы получим по качеству намного лучший, чем тот, что имеем сегодня.* (Г. Дмитриев. «Захар Смушкин. Пройти весь путь»).

(16) *По чтению только две страны имеют заметно худшие результаты, чем Россия: Мексика и Бразилия.* (М. Арапов «Когда текст обретает смысл»).

Итак, как можно видеть, прилагательные *лучший*, *худший*, частотно употребляясь в разных контекстах, сочетают в себе семантику и сравнительной степени, и превосходной, что в ряде случаев может приводить к грамматической омонимии, неясности в выражении смысла.

Считается, что правильнее при построении аналитических форм степеней сравнения вместо слова *лучший* и *худший* использовать соответственно *хороший* и *плохой*. Однако Национальный корпус русского языка показывает, что частотность употребления сочетаний с *лучший* и *худший* активно конкурирует с употреблением *хороший* и *плохой* в таких конструкциях, а сочетание *самый худший* даже превышает частотность сочетаний со словом *хороший*. Ср. данные в НКРЯ:

Более хороший – 70 употреблений - *Более лучший* – 68 употреблений.

Самый хороший – 834 употребления – *Самый лучший* – 8796 употреблений.

Более плохой – 36 употреблений - *Более худший* – 35 употреблений.

Самый плохой – 772 употреблений – *Самый худший* – 791 употреблений.

Можно предположить, что активное использование аналитических частиц *более* и *самый* при прилагательных *лучший* и *худший* может отражать стремление говорящего / пишущего уйти от неясности, уточнить конкретное значение. Тем самым преодолевается негативный эффект от грамматической

избыточности в рассматриваемых сочетаниях и достигается «дискурсивная точность» в терминологии В.И. Карасика (Карасик, 2022).

Ссылки – References in Russian

Ахманова, 1966 – *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М., Советская энциклопедия, 1966.

Грудева, 2007 – *Грудева Е.В.* Избыточность и эллипсис в русском письменном тексте. – ЧГУ, 2007.

Еськова, 2011 – *Еськова Н.А.* Употребление имен прилагательных с –ейш (–айш) в значении сравнительной степени в русском языке. //Избранные работы по русистике. Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография. – Москва. Языки славянских культур, 2011. – С. 83–112.

Исаченко, 1965 – *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. – Братислава: Словацкая Академия Наук, 1965. – 297 с.

Карасик, 2010 – *Карасик В.И.* Языковая кристаллизация смысла. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 351 с.

Карасик, 2022 – *Карасик В.И.* Дискурсивная точность: функциональные характеристики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2022, № 3. Т.2. – С. 61–71.

Князев, 2007 – *Князев Ю.П.* Грамматическая семантика русского языка. – Москва: Языки славянских культур, 2007. – 702 с.

Кузнецов, 1998 – *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург. Норинт. 1998. – 1534 с.

ЛЭС, 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. Виноградов В.А. Плеоназм. 1990. – С. 379.

Мучник, 1996 – *Мучник Б.С.* Культура письменной речи: Формирование стилистического мышления: Пособие для учащихся 10-11-х

классов средн. школ, гимназий. 2-е изд., исправленное и дополненное. – М., Аспект Пресс, 1996. – 175 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru).

Ожегов, Шведова, 1999 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – Москва: Азбуковник, 1999. – 944 с.

Розенталь, 1987 – *Розенталь Д.Э.* Практическая стилистика русского языка. – Издание 5-е, исправленное и дополненное. – Москва: Высшая школа, 1987. – 399 с.

Сирота, Парахонько, 2021 – *Сирота Е.В., Парахонько Л.В.* Изучение плеоназма в синхронии. // Международный научно-исследовательский журнал, № 8 (110) 2021. – С. 60–65.

Ушаков, 2002 – *Ушаков Д.Н.* Электронное издание «Орфографический словарь Ушакова». – Москва: Словарное издательство ЭТС, 2002.

References in Russian

Ahmanova, O.S. (1966) Slovar' lingvisticheskikh terminov, M., Sovetskaya enciklopediya. (In Russian)

Es'kova, N.A. (2011) Upotreblenie imen prilagatel'nyh s –ejsh (–ajsh) v znachenii sravnitel'noj stepeni v russkom yazyke // *Izbrannye raboty po rusistike. Fonologiya. Morfonologiya. Morfologiya. Orfografiya. Leksikografiya*, Moskva, Yazyki slavyanskih kul'tur, pp. 83–112. (In Russian)

Grudeva, E.V. (2007) *Izbytochnost' i ellipsis v russkom pis'mennom tekste*, CHGU. (In Russian)

Isachenko, A.V. (1965) *Grammaticheskij stroj russkogo yazyka v sopostavlenii so slovackim*, Bratislava, Slovackaya Akademiya Nauk, 297 p. (In Russian)

Karasik, V.I. (2010) *Yazykovaya kristallizaciya smysla*, Volgograd, Paradigma. (In Russian)

Karasik, V.I. (2022) *Diskursivnaya tochnost': funkcional'nye harakteristiki // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika, № 3, 2. pp. 61–71. (In Russian)*

Knyazev, Yu.P. (2007) *Grammaticheskaya semantika russkogo yazyka, Moskva. YAzyki slavyanskih kul'tur, 702 p. (In Russian)*

Kuznencov, S.A. (1998) *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / pod red. S. A. Kuznecov. Sankt-Peterburg. Norint, 1534 p. (In Russian)*

Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' (1990) Vinogradov V.A. Pleonazm, pp. 379. (In Russian)

Muchnik, B.S. (1966) *Kul'tura pis'mennoj rechi: Formirovanie stilisticheskogo myshleniya: Posobie dlya uchashchihsya 10-11-h klassov sredn. shkol, gimnazij, 2-e izd., ispravlennoe i dopolnennoe, M., Aspekt Press, 175 p. (In Russian)*

Nacional'nyj korpus russkogo yazyka (ruscorpora.ru) (In Russian)

Ozhegov, S.I., Shvedova N.Yu. (1999) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka, Moskva, Azbukovnik, 944 p. (In Russian)*

Rozental', D.E. (1987) *Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka, Izdanie 5-e, ispravlennoe i dopolnennoe, Moskva, Vysshaya shkola, 399 p. (In Russian)*

Sirota, E.V., Parahon'ko, L.V. (2021) *Izuchenie pleonazma v sinhronii. Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal, № 8 (110), pp. 60–65. (In Russian)*

Ushakov, D.N. (2002) *Elektronnoe izdanie «Orfograficheskij slovar' Ushakova», Moskva, Slovarnoe izdatel'stvo ETS. (In Russian)*